

Герой-искатель в народной сказке

Вариативность образа

© Л. Л. ИВАШНЁВА,
кандидат филологических наук

Поэтика, язык и стиль народной сказки отличаются каноничностью. В то же время стабильные элементы образуют единое целое с их преобразованиями в семантике и структуре текста. В статье рассмотрены проявления вариативности образа героя-искателя в процессе создания версий и инверсий сюжетного типа «Путешествие к Богу за наградой».

Ключевые слова: инвариант, динамичность повествовательных структур, трансформация, смысловая инверсия, пародирование образа героя-искателя.

Poetics, language and style of the folk tales must be distinguished by canonicity. At the same time, constant elements are integral to their transformations of the semantics and the structure of the text. The article considers the manifestations of variability of the image of hero-seeker during the process of creating versions and inversions of the plot type «A travel to God for reward in heaven».

Key words: invariant, dynamic narrative structures, transformation, semantic inversion, a parody of the image of hero-seeker.

Среди волшебных и легендарных сказок обращает на себя внимание повествовательный тип «Путешествие к Богу за наградой». В других

версиях данного сюжетного типа царь посылает мѳлодца на «тот свет» по клевете завистников, чтобы узнать, почему не светит солнце. В легендарной сказке «Марко Богатый» антагонист отправляет своего мнимого соперника на гибель в царство Змиулана [1].

В мотиве путешествия в иной мир и в образе сказочного героя, искателя благ, очевидна мифологическая основа. Прежде всего, это мифы о культурном герое, добывающем культовые объекты и жизненные блага у «хозяев» природных стихий. Данная архетипическая модель трансформируется в историческом движении сюжетов и образов от мифа к сказке. Сюжет о пути на «тот свет» и о возвращении с материальными и духовными ценностями занимает в волшебной сказке ключевые позиции, имеет структурообразующее значение. Между тем эта морфологически устойчивая композиционная схема тоже варьируется и модифицируется, приобретая новые оттенки смысла.

Положительный герой-искатель идет в тридевятое царство за невестой, диковинками, за сакральной информацией, чудесными умениями и знаниями и добывает всё это, выдержав предварительные и основные испытания (Е.М. Мелетинский). Он добивается успеха и в тех случаях, когда отрицательные персонажи из нашего мира стремятся его погубить и ради этого отсылают героя в иной мир. В этих случаях уместно говорить о сюжетных *версиях* сказочного типа «*Путешествие к Богу за наградой*». Преобразования образа искателя и других персонажей хорошо видны на примере всемирно известной сказки «Марко Богатый», популярной в русском фольклоре. Купец Марко непомерно скуп и жесток. Своим образом жизни он уподобился евангельскому богачу, который «не в Бога богатеет» (Лк. Гл. 12:13–21). Владельцу несметных богатств, «их не сосчитать», предсказано Богом (ангелом, святым), что его зятем и наследником станет ребенок, родившийся в бедной семье.

Он пытается извести новорожденного, своего мнимого соперника. Завладев младенцем, Марко приказывает бросить его в овраг, в сугроб, сажает ребенка в дупло дерева; «перерезав брюшко» и засмолив в бочку, пускает свою жертву по воде и т.д. Всемогущий купец посылает на смерть уже повзрослевшего юношу, но он снова остается в живых – благодаря чудесной помощи свыше. Таким образом, антигерой Марко Богатый, центральный персонаж сказки (в большинстве эпизодов именно он ведет сюжетное действие), ассимилирует функции антагониста. От завязки сюжета до его финала он преследует положительного героя. Одержимый идеей убийства, Марко Богатый неизбежно вовлекается в пространство смерти как избывания жизни и гибнет.

В то же время сказочный образ Змея (Змиулана) утрачивает признаки враждебного миру людей существа. Фантастический «хозяин» иного царства, сам того не ведая, становится дарителем важной для героя

информации. Мифологический конфликт избывания беды в ином мире утрачивает признаки, типичные для волшебных сказок. Кульминационные для них мотивы сражения героя с чудовищем и гибели антагониста здесь отсутствуют, поскольку главный конфликт существенно изменен. Концепт передвижения персонажа в иной мир и обратно смыкается с сюжетно-тематическим блоком «Бог награждает и наказывает». На «том свете» молодец получает награду, а Марко обречен на бесконечное движение по замкнутому кругу в царстве мертвых.

Образ молодца, главного героя сказки, объединяет в себе функции искателя, модифицированной формы культурного героя, и характеристики гонимого персонажа. Образ искателя благ заметно трансформирован. В сказке «Марко Богатый» он совершает путь в царство Змея по принуждению, под воздействием губителя. Идея пути-испытания, актуальная для главного героя волшебной сказки, оказывается здесь преобразованной. Основное внимание сосредоточено на внутренних качествах личности. В эпизодах путешествия в иное царство на первый план выдвигаются не правила поведения в «том» мире, как в мифе, а мужество героя, его помощь встреченным на пути действующим лицам.

В легендарной сказке «Марко Богатый» расширяется и усложняется образная система, семиперсонажная схема волшебной сказки (В.Я. Пропп). Вводятся второстепенные и эпизодические персонажи: *богачи, начальники*, гости и прислуга, *батраки и приказчики* в доме Марко, нищие. Антагонисту противостоят небесные силы (Христос с апостолами, ангелы, святые), монахи, купцы, *деревенские бабы*, трактирщики, добрые господа и др. Усилена роль женских образов: сестры, жены, дочери Марко Богатого, женского персонажа-помощника в царстве Змея. Сюжетообразующие функции имеют «страдающие» персонажи, которых дважды встречает на своем пути главный герой.

Новые сюжетные ветви представляют собой необычные комбинации мотивов и образов, что свидетельствует о создании сюжетных версий. Легендарные звенья о неузнанном прибытии странствующего божества, о порабощенности человека богатством, о наказании грешников и под. наслаиваются на сказочно-мифологическую основу. Они контаминируются с традиционными темами и мотивами, присущими волшебной сказке: испытания, потери и приобретения, предсказание судьбы и перераспределение доли и т.д.

Большой интерес представляет редкая и почти неизученная разновидность трансформаций сказочного текста, зеркально преобразующая рассматриваемый сюжетный тип и его образную систему. Творчески изменяя приемы традиционной эпической поэтики, сказители создают любопытные образцы «обращения» основных структурных элементов сказки. В данном случае они переосмысляются до полной

противоположности. Смысловая и композиционная инверсия сказочного образа героя-искателя обнаруживается в астраханской сказке «Добрый, но ленивый Василь» [2. С. 111–112].

Ее центральный персонаж – пример отрицательного героя, псевдоискателя жизненных благ. Как и в других произведениях сюжетного типа «Путешествие к Богу за наградой», рыбак Василь отправляется из дома: он решает пойти к Богу за помощью. В экспозиции сказки лаконично обрисована личность главного персонажа. Показана его неспособность к активному действию, чудовищная лень, безответственность по отношению к голодающим жене и детям и унылая мечтательность, парализующая волю этого антигероя.

«Семья была большая, а денег еле-еле хватало на хлеб. Несчастные его дети и жена вечно недоедали, вечно недопивали, а уж про платья и мечтать не смели. “Возьмись за ум, – говорила жена, – начни работать, выйди на воду”. Но Василь работать не хотел, ждал помощи от Бога. Долго ждал ленивый Василь, наконец, решил пойти к Богу за помощью сам. Жена собрала ему последние кусочки хлеба в дорогу и выпроводила из дому» [С. 111]. В начале сказки отчетливо проступают черты местного колорита, обнаруживаются образцы ловецкой фразеологии. В дельте Волги *выйти на воду*, равно, как и *стать на воду*, означает отправиться на рыбную ловлю.

Здесь же следует отметить переосмысление сказочного канона. Имеется в виду контраст между традиционным мотивом отправки героя по собственному побуждению и его выпроваживанием из дома в данном тексте. Принцип инверсии в характеристике этого искателя «поневоле» проявляется и на уровне функций двух поколений персонажей, в перевернутости устойчивых ролей родителей и детей. Отец, а не один из его сыновей, идет на поиски удачи и «помощи от Бога». Ключевой для завязки структурный элемент недостачи (в терминологии В.Я. Проппа) тоже преобразуется. Он приобретает семантику, дополняющую и углубляющую мотив нехватки средств для безбедного существования семьи. В мотиве недостачи подспудно содержится более важный для всех персонажей смысл, нежели отсутствие достатка в семье. По ходу развития сюжета на имплицитном уровне текста выявляется, что нехватка у этого искателя благ необходимых человеческих качеств (она остается невосполненной) является главной причиной бедствий Василя и его близких. Она же приводит этого псевдоискателя к трагическому финалу.

На этапе развития действия сохраняется каркас сюжетно-композиционной схемы произведений, в которых сказочный герой-искатель идет к Богу за богатством и счастьем. В то же время здесь трансформирован до противоположности почти каждый структурный элемент. Искатель благ в его традиционной ипостаси подвергается испытаниям

и достойно их выдерживает. В сюжетном типе «*Путешествие к Богу*» классический герой встречает на пути персонажей, которые длительное время испытывают боль, другие мучения, терпят бедствия. Его позиция активного сочувствия к этим второстепенным действующим лицам и добытое в ином мире знание о том, что нужно для их спасения, помогают всем получить желаемое (вопросы и ответы эсхатологической направленности в рамках данной статьи не рассматриваются).

При сравнении героев-искателей сказок «Марко Богатый» и «Бедный, но ленивый Василь» отчетливо видны различия между версией и инверсией анализируемого сюжетного типа. Молодец легендарной сказки выдерживает все испытания. Он отзывчив к чужой беде, отличается бесстрашием и смышленостью, другими идеальными характеристиками. Поступки и нравственные качества главного героя соответствуют жизненному предопределению, Божьему предсказанию о его счастливой судьбе.

В сказке «Марко Богатый» главный герой получает высокий социальный статус и семейное благополучие, так как его поступками управляет христианская идея любви к ближнему. Псевдоискатель Василь действует как антигерой: вопреки своей удаче, здравому смыслу и общечеловеческим нормам, предполагающим сострадание ко всему живому. Таким образом, этого персонажа можно считать пародией на традиционный образ героя-искателя.

В сказке «Добрый, но ленивый Василь» обращает на себя внимание индивидуальное мастерство сказителя, соблюдение сказочной обрядности в стилистических формулах. Например: «Шел Василь три дня и три ночи»; «Шел он еще три дня и три ночи и увидел яблоню»; «Через три дня и три ночи дошел он до большого озера» [С. 111]. Следование канону в языке и стиле сказки создает своего рода контрастный фон развитию сюжета и усиливает смысловую и структурную инверсию образа искателя. Исполнитель соблюдает принцип структурной симметрии и творчески использует композиционный прием эпического утроения. Повествовательная часть сказки рисует три встречи путешествующего героя – соответственно, с волком, яблоней и рыбой, которые умоляют Василя передать их просьбы Богу о помощи.

Мотив встречи героя сказки со «страдающими» персонажами устойчив для данного сюжетного типа. Вместе с тем, в этой сказке он отличается эмоционально окрашенными и выразительными диалогами действующих лиц. Например: «“Куда идешь, добрый человек?” – спросила яблоня. Отвечает ей Василь: “Да вот, иду к Богу просить помощи”. Взмолилась яблоня: “Передай ему мою просьбу. С самого рождения не видела я еще своих плодов. Тружусь, зацветаю, а цветы каждый раз осыпаются, не дают плодов. Уж пусть Бог пошлет мне смерть, если нельзя помочь”», традиционная основа кульминационной

встречи героя с Богом ассимилируется сказителем с эпизодом из Ветхого Завета, известным как «Неопалимая купина». Общение Василя с Богом происходит в роще из кустов роз. «А посреди рощи стоял большой куст, весь покрытый прекрасными розами всех цветов, такой удивительный, что Василь остановился, удивленный, и забыл, куда идет и зачем. Вдруг из куста вырвалось пламя и раздался голос: “Что тебе нужно, Василь?” В страшном волнении Василь понял, что слышит Бога» [С. 112].

В сказке «Бедный, но ленивый Василь» отсутствует прямая отсылка к Ветхому Завету. Между тем вкрапление эпизода встречи с Богом, аналогичного библейскому, усиливает общую назидательно-воспитательную тенденцию данной сказки, раскрывает ее связь с легендой. Эта астраханская сказка имеет также черты притчи. Ее можно «при-ткнуть», то есть применить к конкретным жизненным ситуациям. Сюжет анализируемой сказки можно представить развернутой иллюстрацией к пословицам «На Бога надейся, а сам не плошай», «Без труда не вынешь и рыбки из пруда» и под. В этих и других изречениях акцентируется внимание на том, как лень портит и вредит человеку.

В сюжетно-композиционной организации данного произведения троекратный повтор (три диалога с встреченными персонажами) дублируется. Однако вместо сбывшихся надежд «страдающих» персонажей и главного героя, что запрограммировано традицией, сказка вводит сюжетный мотив обманутого ожидания. Антиповедение Василя, его лень и глупость вызывают недоумение и горькое разочарование всех действующих лиц, когда он отказывается вынуть из горла рыбы драгоценный камень и вырыть кувшин с золотом из-под корней яблони. В сказке «Бедный, но ленивый Василь» волк может получить исцеление, если съест очень ленивого и глупого человека. Когда Василь рассказал ему о своем возвращении от Бога и о встрече с рыбой и яблоней, волк воскликнул: «“Благодарю тебя! Видит Бог, ты и есть мое лекарство, потому что ленивее и глупее тебя никого нет на свете!” И кинулся на Василя».

Контраст между ожидаемыми и реальными результатами встречи героя с Богом и другими персонажами сказки реализуется здесь и на сюжетно-композиционном, и на эмоциональном уровнях. Психологическая антитеза между желаемым избавлением от бедствий действующих лиц и позицией главного героя, противоречащей всеобщему благополучию, художественно убедительна, хотя и выражена без слов, молчанием «страдающих» персонажей. Никто, кроме волка, не произносит вслух слов осуждения в адрес Василя.

Центральный персонаж сказки чрезвычайно эгоистичен. Его эгоизм раскрывается и в сюжетной линии, и в диалогах. В частности, антиповедение этого искателя счастья своеобразно подчеркнуто в диалоге

с Богом важной художественной деталью. Василь прежде всего говорит о своей нужде, а затем уже о просьбах встреченных персонажей. В ответной реплике Бога сначала речь идет о том, как помочь рыбе, яблоне и волку, а в конце – о Василе: «А твоя просьба, не волнуйся, обязательно исполнится» [С. 122]. Доброта Василя, отмеченная сказителем в заглавии сказки, оказывается мнимой. Она сродни пассивному незлобию персонажа, которое то и дело оборачивается черствостью и жестокостью к тем, кто нуждается в его помощи. Этот образ, несомненно, ассимилировал черты персонажей сатирической сказки, где обличаются аналогичные пороки человека.

Смысловая и сюжетная инверсия или преобразование структурных элементов текста до их полной противоположности проявляются на различных уровнях сказки о Василе. Это обнаруживается, например, в несоответствии его поступков ключевой закономерности в сюжетосложении фольклорной сказки. Имеется в виду выявленный Д.Н. Медришем закон прямого соотношения между речью персонажа и его действиями («сказано – сделано») [3]. Положительный герой данного сюжетного типа в волшебных и легендарных сказках реализует полученную в ином мире словесную информацию в поступках, направленных на благо других персонажей и самого героя. Василь тоже получает сакральное знание, но не может им разумно распорядиться. Более того, своим бездействием он и нарушает закон «сказано – сделано», и вступает в противоречие с ним. Как это ни парадоксально, но в финале произведения один лишь волк произносит монолог и действует в соответствии с ним. Кстати сказать, он становится единственным персонажем, кто получил исцеление.

В сказке «Бедный, но ленивый Василь» принцип инверсии проявляется многогранно и, вместе с тем, избирательно – в ключевых моментах повествования. Глубинная контрастность, идейная и структурная смещенность по отношению к инвариантной схеме анализируемого сюжетного типа не единожды обнаруживается в композиции сказки. Преобразование текста в аспекте инверсии видится и в том, что идейно-композиционная вершина и кульминация сюжета здесь не совпадают. Они разделены другими эпизодами, образующими контрастную симметричную пару по отношению друг к другу.

Композиционной вершиной повествования можно считать диалог героя с Богом. Между тем в кульминации сюжета (вторая встреча со «страдающими» персонажами) традиционному мотиву избавления от бедствий противостоит нежелание Василя воплотить в жизнь полученные от Бога советы и подсказки. В итоге негативные личностные

свойства незадачливого героя оказались не устраненными, начальная беда/нехватка не ликвидированной.

Итак, в разработке образа сказочного героя-искателя и сюжетных мотивов путешествия в иной мир выявляются варианты, версии и инверсии. Структурные элементы рассмотренного сюжетного типа модифицируются, приобретая на уровне инверсии прямо противоположное смысловое наполнение. В этом случае они пародируются, появляется сатирический оттенок. Процессы пародийной перелицовки образа героя-искателя, инверсия в структуре текстов сопоставимы с преобразованиями в русских былинах, которые выявлены Б.Н. Путиловым [4].

Литература

1. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.
2. Народные сказки Нижней Волги / Ред., подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. Л.Л.Ивашнёвой. Астрахань, 1999. Далее указ. только стр.
3. *Медриш Д.Н.* Слово и событие в русской волшебной сказке // Русский фольклор. Л., 1974. Т. XIV. С. 119–131.
4. *Путилов Б.Н.* Пародирование как тип эпической трансформации // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 101–116.

Астраханский государственный университет